

УДК 344.22

Особенности толкования отдельных терминов при применении уголовного закона в условиях военного конфликта

Морозов Борис Петрович

Кандидат юридических наук
доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Сибирский университет потребительской кооперации
630087, Российская Федерация, Новосибирск, пр-кт Карла Маркса, 26;
e-mail: docent_54@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу содержания некоторых терминов, введенных законодателем в п. «л» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса РФ. Целью статьи является исследование содержания следующих правовых режимов и правовых состояний: «период мобилизации», «период военного положения», «военное время», «в условиях вооруженного конфликта» и «в условиях ведения боевых действий». Основными методами исследования являются: сравнительно-правовой анализ отечественных и зарубежных нормативных актов, метод выявления и разрешения противоречий при толковании текста нормативных актов, метод изучения литературы, документов и материалов практики. В заключении показано, что из дефиниции боевых действий, данной в Постановлении № 11 можно определить круг субъектов, имеющих право на ведение боевых действий. Это Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские (специальные) формирования и органы. То есть речь идет о вооруженных формированиях Российской Федерации, которые являются легитимными и имеют право (обязаны) участвовать в боевых действиях. Не получил своего разрешения вопрос о возможности участия в боевых действиях негосударственных вооруженных формирований – частных военных компаний, которые фактически в условиях нашей страны не обладают легитимностью в связи с неопределенностью их правового статуса. Соответственно, нет ответа и на вопрос о правовом положении членов таких военных компаний как лиц, участвующих в боевых действиях в интересах одной из сторон вооруженного конфликта.

Для цитирования в научных исследованиях

Морозов Б.П. Особенности толкования отдельных терминов при применении уголовного закона в условиях военного конфликта // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 4А. С. 649-661.

Ключевые слова

Военное преступление, период мобилизации, военное положение, военное время, военный конфликт, вооруженный конфликт, боевые действия, специальная военная операция.

Введение

Федеральный закон от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ внес изменения в п. «л» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса РФ, расширив формулировкуотягчающего обстоятельства «совершение преступления... в условиях вооруженного конфликта или военных действий». В новой редакции отягчающим обстоятельством признается «совершение преступления... в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий».

Таким образом, законодателем обозначены следующие правовые режимы и правовые состояния: «период мобилизации», «период военного положения», «военное время», «в условиях вооруженного конфликта» и «в условиях ведения боевых действий».

Толкование указанных терминов выявило неоднозначное их понимание в научной среде и практическими работниками. Проблемы были связаны с тем, что большая часть этих понятий либо не имеет законодательного закрепления, либо толкование этих дефиниций вызывает системные коллизии в силу того, что они закреплены в нормативных правовых актах различных отраслей права

Не смогло разрешить сложившуюся проблему и принятое 18 мая 2023 года постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» (далее – Постановление № 11).

В данной статье предпринята попытка рассмотреть основные проблемы в определении понятий, которые закреплены в новой редакции п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ с учетом тех разъяснений, которые даны в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Основное содержание

При проведении исследования использованы в сочетании методы анализа и синтеза юридической информации. Основным является сравнительно-правовой метод, который позволил путем сопоставления различных юридических норм выявить противоречия между ними и на основе последующего анализа этих проблем предложить пути устранения коллизий.

Применение норм уголовного права в условиях вооруженных конфликтов в современной научной литературе изучено мало. Объективной причиной этого явился тот факт, что с середины 90-х годов XX века Российская Федерация не принимала участие в крупных вооруженных конфликтах на своей или сопредельных территориях. Ситуация начала изменяться, начиная с 2014 г. по мере разрастания вооруженного конфликта в Украине, и получила свое дальнейшее развитие после начала специальной военной операции в феврале 2022 г.

К сожалению, за прошедшие два года было опубликовано лишь несколько научных исследований, затрагивающих те или иные вопросы специфических уголовно-правовых отношений, возникающих в условиях вооруженного конфликта.

Так С.А. Старостин в своей монографии «Чрезвычайные административно-правовые режимы» рассматривает особенности действия режима военного положения наряду лишь как одного из особых режимов, не затрагивая вопросы его уголовно-правового обеспечения [Старостин, 2022].

Л.А. Лазутин в статье «Проблемы темпорального действия отдельных режимов международного гуманитарного права» анализирует отдельные проблемы, связанные с определением временных границ применения международного гуманитарного права в

ситуациях вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера в условиях их интернационализации или интернализации [Лазутин, 2022].

Э.К. Сайфуллин с позиции дифференциации международно-правовых статусов наемника, иностранного добровольца и сотрудника частной военной и охранной компании рассматривает особенности правового положения этих лиц на различных этапах и в различных ситуациях ведения боевых действий [Сайфуллин, 2022].

М.Ю. Мирхайдарова анализирует сущность и правовой статус проводимой специальной военной операции в контексте криминализация и ужесточения ответственности за совершение преступлений против военной службы, против мира и безопасности человечества [Мирхайдарова, 2023].

А.В. Кудашкин и Н.Н. Мельник с позиции теории права рассматривают особенности понимания норм Уголовного кодекса РФ применительно к квалификации военных преступлений. По мнению указанных авторов «...функциональное назначение норм уголовно-правового института определяется из содержания образующих его нормативных предписаний и особенностей проявления метода правового регулирования на уровне этого предписания». Это позволяет определить сущность некоторых правовых состояний лиц, вовлеченных в вооруженные конфликты различных видов.

Нельзя не отметить работу П.Г. Зверева, посвященную анализу дефиниции вооруженного конфликта в международном праве. В данной работе подробно анализируются понятия «вооруженный конфликт», «военные действия», «боевые действия» и еще ряд интересующих терминов [Зверев, 2015].

И, завершая обзор научных источников, следует обратить внимание на монографию В.Н. Русиновой, в которой через призму норм международного гуманитарного права исследуются права человека в условиях вооруженного конфликта. При этом автор значительное внимание уделяет анализу дефиниций, характеризующих вооруженные конфликты [Русинова, 2017].

В п. 2 Постановления № 11 высшая судебная инстанция дает толкование таких понятий как «период мобилизации (общей и частичной)», «период военного положения», «военное время», «вооруженный конфликт», «военные действия», «боевые действия». Рассмотрим каждое из указанных понятий.

В абз. 2 п. 3 Постановления № 11 определено, что «...периоды мобилизации (общей и частичной) или военного положения (вводимого на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях) начинаются с даты и времени начала действия мобилизации (военного положения), которые устанавливаются указом Президента Российской Федерации об объявлении мобилизации (о введении военного положения), и заканчиваются датой и временем отмены (прекращения действия) мобилизации (военного положения)».

Полагаем, что установление тождества между понятиями «мобилизация» и «военное положение» в данном контексте необоснованно.

Содержание термина «период мобилизации» может быть раскрыто в рамках анализа положений Федерального закона от 26 февраля 1997 года № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (далее – Закон № 31-ФЗ).

В соответствии с п. 2 ст. 1 указанного закона «...под мобилизацией в Российской Федерации понимается комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного

времени» [О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 26.02.1997 № 31-ФЗ (последняя редакция)., www...].

14 июля 2022 года в Закон № 31-ФЗ были внесены изменения [О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и статью 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», www...], которыми введены термины «мобилизация общая» и «мобилизация частичная», но их смысл и содержание не раскрыты.

В тексте Закона № 31-ФЗ неоднократно используется словосочетание «в период мобилизации и в военное время», что указывает на то, что это разные временные понятия, которые могут трактоваться как последовательные, когда период мобилизации предшествует военному времени, или могут быть частично совпадающими, когда в период мобилизации начинается период военного времени или когда мобилизация проводится в период военного времени.

Толкование содержания абз. 3 п. 2 Постановления № 11 позволяет прийти к выводу, что период мобилизации и период военного времени понимаются Верховным Судом РФ как равнозначные по правовой природе временные интервалы. Однако, на примере событий 2022-2023 годов в части проводимой специальной военной операции мы видим, что это совершенно разные категории.

Как следует из анализа абз. 2 п. 2 ст. 1 Закона № 31-ФЗ «период мобилизации» определяется «...нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».

В качестве примера приведем п. 1 Указа Президента РФ от 21 сентября 2022 года № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», в котором установлено: «1. Объявить с 21 сентября 2022 г. в Российской Федерации частичную мобилизацию». Следует учесть, что мобилизация была объявлена в условиях проведения специальной военной операции, но без объявления военного положения.

При этом срок окончания мобилизации не определен и официального юридического объяснения этому факту дано не было. Мы можем в данном случае принять во внимание только мнение ряда должностных лиц различных органов государственной власти, позицию которых можно сформулировать следующим образом: «Почему-то все требуют указа Президента о завершении частичной мобилизации... Но его в принципе быть не может по той простой причине, что существует лишь два типа указов: первый - о мобилизации, а второй - о демобилизации. Указ о демобилизации будет тогда, когда мы победим и выполним все задачи» [Гурулёв А. Интервью «Ждать указа Путина о конце мобилизации нет смысла: будет другое распоряжение, но позже», www...].

Соответственно, 28 октября 2022 года министр обороны России С.К. Шойгу объявил, что количественно план по частичной мобилизации уже выполнен, а 31 октября о завершении мобилизации сообщил Президент РФ В.В. Путин.

Из этого следует, что формальным сроком окончания мобилизации явилось выполнение количественных показателей мобилизации и публичное объявление об этом высшим должностным лицом государства – Президентом Российской Федерации, а фактической датой окончания – направление последнего призванного в рамках частичной мобилизации в ряды Вооруженных Сил России. Установить точный срок фактического окончания мобилизации возможно только по дате, указанной в призывной повестке, когда мобилизованный гражданин должен прибыть в военный комиссариат для направления к месту службы.

Подобное неоднозначное понимание сроков проведения мобилизации может вызвать

сложности при применении норм уголовного закона.

Термин «период военного положения» следует трактовать как временной интервал, в течение которого действует особый правовой режим военного положения.

Военное положение может вводиться как на всей территории России, так и в отдельных ее местностях (п. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ (ред. от 01 июля 2017 года) «О военном положении» (далее – Закон №1-ФКЗ). Такой режим вводится в случае агрессии против РФ или ее угрозе в целях создания условий для ее отражения или предотвращения (п. 2 ст. 1 Закона №1-ФКЗ). Режим военного положения включает в себя комплекс экономических, политических, административных, военных и иных мер, направленных на создание условий для отражения или предотвращения такой агрессии (п. 7 ст. 4 Закона № 1-ФКЗ).

Период действия военного положения начинается с даты и времени начала действия военного положения – это определяется указом Президента РФ, – а заканчивается датой и временем его отмены (п. 3 ст. 1 Закона № 1-ФКЗ).

При этом военное положение на всей территории страны или в отдельных субъектах может быть введено в том числе без объявления войны со стороны одного или нескольких иностранных государств. В Российской Федерации такая норма закреплена законодательно (п. 2 ст. 3 Закона № 1-ФКЗ). Так, с 00:00 20 октября 2022 года введено военное положение на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей (Указ Президента РФ от 19 октября 2022 года № 756).

Таким образом, сроки начала и окончания периода военного положения должны определяться указами Президента Российской Федерации. В свою очередь объявление общей или частичной мобилизации осуществляется нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, момент окончания мобилизации может не совпадать по времени с моментом окончания периода военного положения и не требует издания какого-либо нормативного акта.

Следующий термин – военное время. В абз. 4 п. 2 Постановления № 11 приведено следующее определение: «...военным временем является период с момента объявления федеральным законом состояния войны в случае вооруженного нападения (агрессии) на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации либо с момента фактического начала военных действий до момента объявления об их прекращении, но не ранее фактического прекращения».

Нормативное определение военного времени отсутствует, но формально-юридическое толкование отдельных норм Закона № 1-ФКЗ позволяет предположить, что военное время – это период действия военного положения, который начинается с даты и времени начала действия военного положения, которые устанавливаются указом Президента Российской Федерации о введении военного положения, и заканчивается датой и временем отмены (прекращения действия) военного положения (ч. 3 ст. 3 указанного закона).

Однако, из анализа ч. 2 ст. 18 Федерального закона от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне» следует более широкое понимание термина «военное время». В данной норме определено: «2. С момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий наступает военное время, которое истекает с момента объявления о прекращении военных действий, но не ранее их фактического прекращения».

При этом в ч. 1 этой же статьи применительно к состоянию войны определено, что оно

объявляется федеральным законом в случае вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации. То есть, имеется правовое несоответствие положений Федерального конституционного закона от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ «О военном положении» и Федерального закона от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне» в том, каким нормативным актом водится правовой режим военного времени – указом Президента России или федеральным законом.

Следующее понятие, которое требует своего юридического осмысления – это «вооруженный конфликт».

В соответствии с абз. 5 п. 2 Постановления № 11 «...под вооруженным конфликтом следует понимать вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт), в ходе которого осуществляется применение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований и органов без перехода государства в состояние войны».

К сожалению, дефиниция «вооруженный конфликт» в российском законодательстве также отсутствует. При анализе и определении содержания этого понятия можно обратиться к нормам международного гуманитарного права. Основываясь на таких документах как «Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов немеждународного характера, от 8 июня 1977 года (Протокол II), П.Г. Зверев делает вывод о том, что «...указанные нормы, по-видимому, основываются на предположении, что вооруженные конфликты, по крайней мере международные, могут происходить между законными вооруженными силами государств. И хотя негосударственные субъекты также признаются Дополнительным протоколом II 1977 г. сторонами немеждународных вооруженных конфликтов, справедливым будет полагать, несмотря на заявления некоторых известных зарубежных политиков по поводу «войны с терроризмом», что *международный вооруженный конфликт возможен только на законных основаниях с помощью легитимных вооруженных сил*» (курсив наш – Б.М.). Вопрос законности оснований, послуживших причиной международного вооруженного конфликта, требует отдельного рассмотрения.

Раскрывая смысл понятия «международный вооруженный конфликт» П.Г. Зверев, обращается к решению о предварительной апелляции по подведомственности от 2 октября 1995 года Специального Международного уголовного трибунала для бывшей Югославии по делу Д. Тадича. Автор отмечает, что Апелляционная палата Суда сформулировала иное понятие вооруженного конфликта, отличное от того, которое сформулировано в Женевских конвенциях. По мнению Суда, вооруженный конфликт следует понимать как «ситуацию, в которой государства прибегают к вооруженной силе, или затяжное вооруженное насилие между правительственными властями и организованными вооруженными группами либо между такими группами внутри одного государства...» [Зверев, 2015, с. 87].

Не вдаваясь в полемику, можно согласиться с точкой зрения П.Г. Зверева, который сформулировал следующие определения международного и внутреннего вооруженного конфликта.

«Международный вооруженный конфликт имеет место, когда государство или государства применяют вооруженную силу либо реализуют свои наступательные возможности в политических или политико-территориальных целях против народа или интересов другого государства или государств, при этом применение такой вооруженной силы или реализация

наступательных возможностей не является отдельным или спорадическим актом...» [Зверев, 2015, 99, 100].

«Внутренний вооруженный конфликт возникает в случае систематического организованного вооруженного насилия внутри государства, направленного на политические изменения или обретение территориальной независимости либо политической контроль над всей или частью территории государства, которое более не в состоянии сдерживать вооруженный мятеж или вооруженные нападения с помощью исключительно гражданских силовых структур, таких, как гражданская полиция. В данном определении государство несет основную ответственность за урегулирование ситуаций внутригосударственного насилия» [Зверев, 2015, 100, 101].

Исходя из приведенных дефиниций можно утверждать, что проводимая Российской Федерацией с 24 февраля 2022 года специальная военная операция по денацификации Украины является международным вооруженным конфликтом, который основан на применении воюющими государствами легитимных вооруженных сил.

При этом, несмотря на известные факты участия в данном вооруженном конфликте нелегитимных вооруженных формирований (частных военных компаний, добровольческих отрядов из числа граждан третьих стран и т.д.), вопрос юридической оценки их правового положения применительно к практике применения уголовного законодательства не нашел отражения в Постановлении № 11.

Говоря о термине «военные действия», Постановление № 11 определяет, что «...военными являются действия, которые ведет Российская Федерация в военное время по отражению вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации».

Термин «военные действия» также не имеет законодательного определения в российской правовой системе, хотя в уже упоминавшемся Федеральном законе от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне» в п. 2 ст. 18 законодатель употребляет термин «военные действия».

«Руководство по толкованию понятия в свете международного гуманитарного права» (далее – Руководство), подготовленное Международным Комитетом Красного Креста дает нам возможность раскрыть сущность этого понятия. При этом мы будем исходить из понимания того, что нас интересуют не сами по себе военные действия, а факт признания нахождения субъекта на территориях, где ведутся эти действия или участие субъекта в этих действиях.

Понятие «военные действия» в Руководстве раскрывается через определение цели ведения этих действий – «...негативное влияние на военные операции или военный потенциал стороны в конфликте могут оказать не только уничтожение или ранение военнослужащих и причинение физического или функционального ущерба военным объектам, но и диверсии и другие виды деятельности вооруженного и невооруженного характера, сужающие возможности или создающие помехи для развертывания тылового обеспечения и связи. Негативное влияние может быть оказано захватом или взятием под контроль иным образом военнослужащих, объектов и территорий в ущерб противной стороне». Но анализ этой цели приводит нас к вопросу о том, в чем выражается это негативное влияние? Негативное влияние на противника может оказывать, например, информационное, идеологическое, культурное и др. Сейчас мы видим, как в ходе специальной военной операции воюющие стороны активно используют друг против друга такие эти виды воздействия с целью затруднить военные операции противника или даже сделать невозможным их проведение.

Такое негативное воздействие, по смыслу Руководства, может выражаться как в нападениях

на военные цели, так и незаконное причинение вреда гражданским лицам и гражданским объектам. При этом необходимо обращать внимание на правовой статус гражданских лиц, не участвующих в конфликте, но находящихся под юрисдикцией стороны конфликта. По смыслу Руководства нападение на таких лиц не может рассматриваться как военные действия. В этом просматривается дуалистический подход составителей Руководства, который является попыткой найти компромисс между «правом Гааги», регламентирующим правила ведения военных действий, и «правом Женевы», определяющим правила обращения с лицами, которые находятся в юрисдикции стороны конфликта.

Основываясь на вышеизложенном, можно ответить на вопрос – являются ли удары (ракетные атаки, артиллерийские обстрелы, сбросы мин и гранат с беспилотных летательных аппаратов и т.п.) по гражданским лицам и объектам, наносимых вооруженными силами воюющих сторон в ходе специальной военной операции на территории России или Украины, военными действиями? Если рассматривать удары по населенным пунктам и мирному населению в Донецкой и Луганской народных республиках, в Запорожской, Белгородской, Воронежской, Курской и других областях, то такие нападения со стороны вооруженных формирований Украины не являются военными действиями. Такие деяния, не вызванные военной необходимостью, могут быть квалифицированы по соответствующим статьям Уголовного кодекса РФ.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. В условиях международного вооруженного конфликта военными действиями будут считаться нападения вооруженных сил одной стороны на гражданских лиц, принимающих непосредственное участие в военных действиях в интересах другой стороны. То есть такие гражданские лица в этом случае утрачивают право на защиту от нападения, и их нейтрализация будет правомерной.

2. В результате умысла или ошибки одной из сторон конфликта могут быть нанесены удары (бомбардировка, ракетный обстрел и т.п.) по местам размещения военнопленных или интернированных лиц. В соответствии с текстом Руководства – это также должно признаваться военными действиями.

3. Если имеют место умышленные нападения одной стороны конфликта на гражданских лиц, находящихся под юрисдикцией другой стороны конфликта, то такие действия также не должны признаваться военными действиями.

Примерами таких ситуаций Русина В.Н. считает массовые убийства в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила, расположенных в Западном Бейруте 16 и 17 сентября 1982 года, уничтожение более 7000 боснийских мальчиков и мужчин, совершенное силами боснийских сербов в Сребренице – городе на востоке Боснии и Герцеговины в течение недели в июле 1995 года, этнические чистки в 2002-2023 годах в суданском регионе Западный Дарфур, в ходе которых по разным оценкам погибло около 500 тыс. человек [Русина, 2017, с. 197-198]. Сюда же, по нашему мнению, можно отнести и события в Секторе Газа на территории Палестины, которые происходят с октября 2023 года по настоящее время.

Более сложная ситуация с оценкой правового положения гражданских лиц возникает в условиях немеждународного (внутреннего) вооруженного конфликта с участием нелегитимных вооруженных формирований. Как показывает отечественный и зарубежный опыт таких конфликтов, в них не всегда можно точно отделить тех лиц, которые действуют в интересах одной из сторон конфликта от гражданских лиц, которые не участвуют в конфликте.

Примером такой ситуации может являться блокирование и «зачистка» населенных пунктов после их захвата одной из сторон конфликта. При этом вооруженные формирования, не

являющиеся легитимными вооруженными формированиями, вошедшие в населенный пункт, могут массово применять насилие по отношению к гражданским лицам, правовой статус которых не определен. Можно ли считать такие действия военными или они являются ненадлежащим обращением с гражданским населением?

Если следовать логике Руководства, то по мнению Русиновой В.Н. «...в данном случае необходимо применять «правило интерпретации», но это приведет к тому, что члены нелегитимной вооруженной группы, применяющие насилие к задержанным гражданским лицам, сами будут иметь право на защиту от нападения на них, так как совершаемые ими деяния юридически не являются непосредственным участием в военных действиях. Данный вывод можно сделать на основании концепции функционального членства, так как такие вооруженные группы не обладают функциональным равноправием с легитимными вооруженными формированиями сторон конфликта» [Русинова, 2017, 198].

Подобную ситуацию мы наблюдаем в наши дни в условиях вооруженного конфликта в Секторе Газа на территории Палестины, которая не признана Израилем в качестве независимого государства. Военные действия в качестве одной из сторон конфликта ведут нелегитимные вооруженные формирования – ХАМАС, Хезболла и др.

Одним из признаков военных действий Руководство предлагает считать деяние, которое совершается лицом (лицами), участвующими в конфликте, направленное на достижение превосходства одной стороны конфликта и на ослабление другой. Из этого подхода следует, что любое действие, которое совершается в интересах одной стороны конфликта, будет заведомо причинять ущерб или вред другой стороне конфликта.

При этом важно учитывать, что такие действия должны совершаться гражданскими лицами каждой из сторон конфликта субъективно осознанно и только в целях нанесения поражения противоположной стороне конфликта. Но в Руководстве концептуально определено, что субъективный подход к оценке участия гражданских лиц в военных действиях недопустим, так как он указывает на присоединение гражданского лица к соответствующей стороне вооруженного конфликта. Тем самым, по нашему мнению, в Руководстве де-факто зафиксировано правило *ratione personae*, суть которого заключается в признании лица участником военных действий по признаку фактического совершения каких-либо актов в интересах одной стороны конфликта и в ущерб другой стороне.

Отсюда следует, что, если член организованной вооруженной группы, например, частной военной компании, не принадлежащей ни одной из сторон конфликта, но тем не менее сражающийся в интересах одной из сторон конфликта, то он должен рассматриваться как гражданское лицо, но лишенное право на защиту от нападения на время своего членства в такой группе.

Таким образом, следовало бы нормативно закрепить или хотя бы в тексте Постановления № 11 определить правовое положение гражданского лица, непосредственного участвующего в военных действиях. В основу такого определения может быть положен «принцип различия». Это позволит сформулировать правило о том, что до тех пор, пока гражданское лицо не участвует в вооруженном конфликте и не причиняет ущерба какой-либо стороне конфликта, оно обладает иммунитетом от применения в насилия в отношении себя.

Соподчиненным по отношению к термину «военные действия» является понятие «боевые действия». Содержание этого понятия раскрывается в абз. 7 п. 2 Постановления № 11. «Боевые действия представляют собой организованное применение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований и органов в военном конфликте, охватывающем все виды вооруженного противоборства, включая войны и

вооруженные конфликты, а также в иных случаях в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (например, участие в операциях по поддержанию (восстановлению) международного мира и безопасности, принятие мер для предотвращения (устранения) угрозы миру, подавление актов агрессии (нарушения мира) на основании решений органов, уполномоченных их принимать в соответствии с международными договорами, участие в проведении контртеррористической операции, специальной военной операции либо защита Государственной границы Российской Федерации). Боевые действия ведутся в определенном районе и в определенный период при выполнении поставленных боевых (оперативных) задач».

Термин «боевые действия» также не имеет законодательного определения в российской правовой системе.

«Военная энциклопедия» определяет боевые действия: 1) как «...составную часть военных действий противоборствующих сторон, организованное применение сил и средств объединений, соединений, частей, подразделений для выполнения поставленных боевых задач»; 2) как «...форму оперативного (боевого) применения объединений, соединений, частей, подразделений в рамках операции в составе объединений более крупного масштаба или между операциями для последовательного решения оперативных, оперативно-тактических, тактических задач». Здесь же поясняется, что «... боевые действия могут рассматриваться и как процесс, являющийся составной частью военных действий, и как форма применения объединений, соединений, частей и подразделений».

Заключение

Из дефиниции боевых действий, данной в Постановлении № 11 можно определить круг субъектов, имеющих право на ведение боевых действий. Это Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские (специальные) формирования и органы. То есть речь идет о вооруженных формированиях Российской Федерации, которые являются легитимными и имеют право (обязаны) участвовать в боевых действиях. Не получил своего разрешения вопрос о возможности участия в боевых действиях негосударственных вооруженных формирований – частных военных компаний, которые фактически в условиях нашей страны не обладают легитимностью в связи с неопределенностью их правового статуса. Соответственно, нет ответа и на вопрос о правовом положении членов таких военных компаний как лиц, участвующих в боевых действиях в интересах одной из сторон вооруженного конфликта.

Основываясь на приведенных определениях боевых действий, можно прийти к выводу, что «специальная военная операция» является формой организации ведения боевых действий.

Библиография

1. О военном положении : Федеральный конституционный закон РФ от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (дата обращения: 24.04.2024).
2. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 26.02.1997 № 31-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13454/ (дата обращения: 22.04.2024).
3. Об обороне : Федеральный закон РФ от 31.05.1996 № 61-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и статью 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» : Федеральный

- закон РФ от 14.07.2022 № 336-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421948/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst10009 (дата обращения: 24.04.2024).
5. Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426999/ (дата обращения: 22.04.2024).
 6. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/32440/> (дата обращения: 24.04.2024).
 7. Виноградов О. В. Правовые основания, порядок введения и отмены правового режима военного положения в Российской Федерации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 4. С. 57–62.
 8. Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 1 / ред. И. Н. Родионов [и др.]. М.: Воениздат, 1997. 639 с.
 9. Гурулёв А. Интервью «Ждать указа Путина о конце мобилизации нет смысла: будет другое распоряжение, но позже». Дата публикации: 31 октября 2022 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://tsargrad.tv/news/zhdat-ukaza-putina-o-konce-mobilizacii-net-smysla-budet-drugoe-rasporjazhenie-no-pozzhe_655766?ysclid=19xo48hjwf709009010 (дата обращения: 24.04.2024).
 10. Зверев П. Г. Дефиниции вооруженного конфликта в международном праве / П. Г. Зверев // Юридические исследования. – 2015. – № 5. – С. 69–103. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=14356 (дата обращения: 28.04.2024).
 11. Кудашкин А. В., Мельник Н. Н. Международное уголовное право и военные преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации: теория права и сравнительный анализ для квалификации преступлений // Право в Вооруженных Силах. 2023. № 6. С. 46–56.
 12. Лазутин Л. А. Проблемы темпорального действия отдельных режимов Международного гуманитарного права // Российский юридический журнал. 2022. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс: локальная версия» (дата обращения: 28.04.2024).
 13. Мирхайдарова М. Ю. Криминализация и ужесточение ответственности за совершение преступлений против военной службы, против мира и безопасности человечества в условиях проведения специальной военной операции // Российский следователь. 2023. № 8. С. 40–42.
 14. Непосредственное участие в военных действиях: руководство по толкованию понятия в свете международного гуманитарного права // ред. Н. Мельцера. Справочное издание. Международный Комитет Красного Креста; Региональная делегация в Российской Федерации, Беларуси и Молдове. МККК, май, 2009. 105 с.
 15. Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 400 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс: локальная версия» (дата обращения: 20.05.2024).
 16. Сайфуллин Э. К. Дифференциация международно-правовых статусов наемника, иностранного добровольца и сотрудника частной военной и охранной компании // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 127–142.
 17. Старостин С. А. Чрезвычайные административно-правовые режимы: монография. М.: Проспект, 2022. 112 с.

Peculiarities of interpretation of certain terms in the application of criminal law in the context of a military conflict

Boris P. Morozov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Siberian University of Consumer Cooperatives,
630087, 26, Karl Marx ave., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: docent_54@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the content of some terms introduced by the legislator in paragraph «d» of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose

of the article is to study the content of the following legal regimes and legal states: «period of mobilization», «period of martial law», «wartime», «in conditions of armed conflict» and «in conditions of hostilities». The main research methods are: comparative legal analysis of domestic and foreign normative acts, the method of identifying and resolving contradictions in the interpretation of the text of normative acts, the method of studying literature, documents and practical materials. In conclusion, it is shown that from the definition of hostilities given in Resolution No. 11, it is possible to determine the range of subjects entitled to conduct hostilities. These are the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military (special) formations and bodies. In other words, we are talking about the armed formations of the Russian Federation, which are legitimate and have the right (obligation) to participate in hostilities. The issue of the possibility of participation in hostilities by non-State armed groups - private military companies, which in fact, in the conditions of our country, do not have legitimacy due to the uncertainty of their legal status, has not been resolved. Accordingly, there is no answer to the question of the legal status of members of such military companies as persons involved in hostilities in the interests of one of the parties to an armed conflict.

For citation

Morozov B.P. (2024) Osobennosti tolkovaniya otdel'nykh terminov pri primenenii ugolovnogo zakona v usloviyakh voennogo konflikta [Peculiarities of interpretation of certain terms in the application of criminal law in the context of a military conflict]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (4A), pp. 649-661.

Keywords

War crime, period of mobilization, martial law, wartime, military conflict, armed conflict, hostilities, special military operation.

Referents

1. On martial law: Federal Constitutional Law of the Russian Federation dated January 30, 2002 No. 1-FKZ (as amended on July 1, 2017). [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (access date: 04/24/2024).
2. On mobilization preparation and mobilization in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation dated February 26, 1997 No. 31-FZ (latest edition). [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13454/ (access date: 04/22/2024).
3. On defense: Federal Law of the Russian Federation dated May 31, 1996 No. 61-FZ (latest edition). [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/
4. On amendments to the Federal Law “On mobilization preparation and mobilization in the Russian Federation” and Article 51 of the Federal Law “On Military Duty and Military Service”: Federal Law of the Russian Federation dated July 14, 2022 No. 336-FZ. [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421948/3d0cac60971a511280cbbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (date of access: 04/24/2024).
5. On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 2022 No. 647. [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426999/ (access date: 04/22/2024).
6. On the practice of courts considering criminal cases of crimes against military service: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 18, 2023 No. 11. [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/32440/> (access date: 04/24/2024).
7. Vinogradov O. V. Legal grounds, the procedure for introducing and canceling the legal regime of martial law in the Russian Federation // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 4. pp. 57–62.
8. Military encyclopedia. In 8 vols. T. 1 / ed. I. N. Rodionov [and others]. M.: Voenizdat, 1997. 639 p.

9. Gurulev A. Interview “There is no point in waiting for Putin’s decree on the end of mobilization: there will be another order, but later.” Publication date: October 31, 2022. [Electronic resource]. Access mode: URL: https://tsargrad.tv/news/zhdat-ukaza-putina-o-konce-mobilizacii-net-smysla-budet-drugoe-rasporjazhenie-no-pozzhe_655766?ysclid=I9xo48hjwf709009010 (date of access: 24.04. 2024).
10. Zverev P. G. Definitions of armed conflict in international law / P. G. Zverev // *Legal studies*. – 2015. – No. 5. – P. 69–103. [Electronic resource]. Access mode: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=14356 (access date: 04/28/2024).
11. Kudashkin A.V., Melnik N.N. International criminal law and war crimes in the Criminal Code of the Russian Federation: theory of law and comparative analysis for the qualification of crimes // *Law in the Armed Forces*. 2023. No. 6. pp. 46–56.
12. Lazutin L. A. Problems of the temporal action of individual regimes of International Humanitarian Law // *Russian Legal Journal*. 2022. No. 3. [Electronic resource]. Access mode: SPS “ConsultantPlus: local version” (date of access: 04/28/2024).
13. Mirkhaidarova M. Yu. Criminalization and toughening of responsibility for committing crimes against military service, against the peace and security of mankind in the conditions of a special military operation // *Russian investigator*. 2023. No. 8. pp. 40–42.
14. Direct participation in hostilities: a guide to the interpretation of the concept in the light of international humanitarian law // ed. N. Meltzer. Reference publication. International Committee of the Red Cross; Regional delegation in the Russian Federation, Belarus and Moldova. ICRC, May, 2009. 105 p.
15. Rusinova V.N. Human rights in armed conflicts: problems of correlation between the norms of international humanitarian law and international human rights law: monograph. 2nd ed., revised. and additional M.: Statute, 2017. 400 p. [Electronic resource]. Access mode: SPS “ConsultantPlus: local version” (access date: 05/20/2024).
16. Sayfullin E.K. Differentiation of international legal statuses of a mercenary, a foreign volunteer and an employee of a private military and security company // *Journal of Russian Law*. 2022. No. 10. pp. 127–142.
17. Starostin S. A. Emergency administrative and legal regimes: monograph. M.: Prospekt, 2022. 112 p.